

Елена Жарикова

**Чашечка
чая
с чабрецом**

Елена Жарикова

Чашечка чая с чабрецом

«Автор»

2025

Жарикова Е. В.

Чашечка чая с чабрецом / Е. В. Жарикова — «Автор», 2025

В цикл "Чашечка чая с чабрецом" входят три рассказа. Для них характерны лирические и иронические интонации; в основе рассказов - забавные и вполне реалистичные ситуации, за которыми - женские судьбы, характеры, переживания. Для широкого круга читателей.

© Жарикова Е. В., 2025

© Автор, 2025

Елена Жарикова

Чашечка чая с чабрецом

Чашечка чая с чабрецом и теплыми школьными воспоминаниями

Варенька не заметила, как съежился шагреновой кожей ноябрьский день, как вкрадчиво поползли из остывших углов каморки химеры прошлых болей, дней и обид, стали уплотняться до слов, окукливаться до образов...

Вареньке ничего не стоило взять первую ноту письма. Только вслушается в *серебряющее повечерье* за окном, поймает медный блик тонущего в морозной дымке заката, закроет глаза для верности и начинает вслепую трогать словно случайные клавиши воспоминаний, сначала как бы ощупью, задерживаясь на паузах, сверяя тон с каким-то своим внутренним редактором, с какой-то только ей слышимой звуковой линией – и потом все быстрее, быстрее говорок клавиш, словно далекий перебой набирающего скорость поезда...

В ее одинокой квартирке-конурке густел запах чая с чабрецом и липовым цветом, она забывала, что хотела разогреть слипшуюся глыбу макарон, что и за хлебом надо было сбегать... рой призывов, ритм образов, грай согласных, зияние гласных, шепот безгласных выводил ее на орбиту снов, предчувствий, озарений... Дыхание словно схватывало, перед глазами мельтешила мошка непрошенных слов, на кончиках пальцев пульсировала непостижимая теплота создаваемой ею жизни.

В подъезде внезапно хлопала дверь, и Варька вздрагивала, на мгновение выдернутая из своего дивного полета, беспомощно прищуривалась в окно, и, глотнув остывшего травяного эфира, снова ныряла в пленительную сутолоку слов и образов.

Сегодня она вспоминала свой первый день работы в школе. Самое первое сентября! Накануне она отутюжила до полного геометрического совершенства свою синюю юбку в складку, еще раз прорепетировала «тронную речь», которую намерена была обрушить на головы своих подданных – пятиклашек, перетряхнула содержимое учительской сумки, где каждая скрепочка-линеечка занимала отведенное ей место и прошла разок-другой в новых туфлях, пружиня и прищелкивая каблукком.

Убежденная в своей неотразимой молодости и взбодренная дыханием первосентябрьского холода, Варька летела в школу, едва задевая подмороженную землю, и ей казалось – еще чуток, и она взмоет в эти златолиственные кроны, раскинет привольно легкие руки и закружится вместе с сорочьими переполохами и воробыными суматохами!

На линейке она стояла едва дыша, окруженная неумным благоуханием бордовоголовых георгинов, звездчато-стрельчатых белых астр, тугих карнаухих бархатцев, – вся в празднично хрустящем целлофане, в синих безупречных складочках, в сиянии ресничек, кудряшек и ямочек... Из-под душного разноцветья букетов едва были видны макушки белокурые и рыжие, русые и темненькие, они беспрестанно вертелись, о чем-то своем щебетали, по временам дергали Вареньку за рукав и задавали глупые вопросы: «А когда классный час кончится? А у нас много учебников? А кормить будут? А вас как зовут?»

Когда по команде директора дружная когорта вверенных ей пятиклашек двинулась к школьному крыльцу, Варя, сияя каждой складочкой и ямочкой, прищелкивая каблукками, торжественно прошествовала на виду всей школы.

На классном часе Варька – нет, Варвара Михайловна! – чувствовала себя искусным дирижером необъятно-сложного тридцатиголового оркестра, ясно и звучно манипулируя веселой разноголосицей. Она вспоминала, что ловко отбивала, словно ракеткой в теннис, очередной вопрос, остроумно закругляла чье-то недоумение, изящно наклонялась, чтобы поднять упавшую ручку... В каждой ее педагогической жилке подрагивал пьянящий восторг, голова

слегка подкруживалась – но руки стремительно взлетали, ставили нужную паузу, метко резюмировали. Правда, все тридцать голов как-то смешивались в один блестящий горлающий пестрый ком... имен она не запомнила, фамилии, особенно нерусские, показались ей невыговариваемыми. Исахужаев Адхамжон! Азизуллаев Абдулазбек! (А ведь у них еще и отчество! – Курбанназаровичи какие-нибудь!)

Нагрузив новехонькие ранцы учебниками, щебечущие захлеб дети завалили ее букетами – Вареньке не хватало рук, чтобы удержать эту пеструю клумбу... Хорошо, что Алленка-компаньонка прибежала вовремя в школу, помогла разобраться с этой стихийной оранжереей...

Варенька откинулась на стуле, стряхнула морок воспоминаний, поправила сидящие пряди, сняла очки в толстой оправе...

В это мгновение в окно ее первого этажа кто-то коротко постучал. Варенька вздрогнула, потянулась к стеклу, прищурилась... В ноябрьских синих сумерках под окошком стоял улыбчивый молодой человек, лет эдак тридцати. В восточной роскоши его темных глаз было что-то знакомое. Варенька поспешила к двери. Не без робости приоткрыла дверь на цепочку.

– Не узнали, Варвара Михайловна? Вот, проходил мимо, решил зайти попрощаться. В Питер с Полиной переезжаем. Все-таки вы у меня классной были столько лет...

– Абдулазбек? Ну, как же тебя узнать? Да проходи же! У меня и чай есть, только вот заварила!

Долго толклись в узкой прихожей: Абдулазбек извинялся, что не предупредил о визите, Варенька неловко распахивала по полкам вольно разбросанные туфли, ботильоны...

Потом пили чай с чабрецом, лимоном и липовым цветом, с домашними вафлями – и вспоминали. И то самое первое-первое сентября тоже.

– Я ведь тогда самый маленький в классе был, слабый, болезненный.

– Помню-помню: шея худенькая, цыплячья, чернявенький, дичок такой, самого едва от полу видно, одни глазки – зырк-зырк! Сурьезный – страсть! Игрушечный Казбич! Тебе с сахаром?

– Да, пару кусочков. Меня тогда из соседней школы только перевели. Всего боялся: слова кому-то сказать, к учителю подойти, спросить, где туалет.

– Божечки мои! Так, вот вафли – бери-бери, сегодня делала, я сейчас блины еще погрею... Ты ведь на первое сентября тогда с бабушкой пришел?

– Точно так. Вот вы говорите, летали, парили в этот день? Цветочки-бантики всякие вспоминаете... Вы и вправду тогда светились, просто Золушка из сказки – ямочки-кудряшки, юбочка такая кокетливая... А у меня утром 1го сентября маму на скорой с инфарктом увезли. Мама такая молодая была, ну вот как я сейчас, стройная, звонкая, певучая, Шахерезада из «Тысячи и одной ночи» – и только...

Он замолчал, кроша вафли на блюде. Молодая учительница изящной словесности только в октябре узнала, что у мальчишки были непростые времена. И как-то это забылось потом, она успокоилась, зная, что парня воспитывает бабушка, а отец завел другую семью. Бабушка Абдулазбека исправно ходила на собрания, записывала все рекомендации, вовремя сдавала деньги на нужды класса, мальчик всегда выглядел опрятно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.